

Н. И. Бухарин

Дарвинизм и марксизм

Доклад на торжественном заседании, посвященном пятидесятилетию
со дня смерти Чарлза Дарвин

Smena (Смена) [*La Relève, Der Nachwuchs*] n° 221, mai 1932,
Leningrad, Académie des sciences de l'URSS

На протяжении XIX столетия нельзя отметить двух других имен, кроме имен Дарвина и Маркса, которые бы выражали целые громаднейшие перевороты во всей мыслительной ориентации многих миллионов людей. Обе теоретические концепции - и дарвинизм и марксизм - выросли из практической потребности эпохи, и это их происхождение можно почти прощупать руками, настолько ярко и осязательно оно выражено. Обе они являются громадными синтезами, хотя и далеко не равновеликого порядка. Обе они служат мощными рычагами практического действия, совершенными орудиями изменения мира. И, наконец, несмотря на их различный социальный генезис, марксизм включает в свое мировоззрение, сформировавшееся как величайший из исторически данных синтезов, теорию Дарвина, взятую в ее существенных моментах. Обе теории стоят таким образом в исключительно специфических, соотношениях.

I

Социальный генезис дарвинизма

«Происхождение видов» Дарвина вышло в 1859 г., в том же году, когда появилась на свет работа Маркса: «К критике политической экономии». Эпоха, которую переживал в то время английский капитализм, была эпохой его победоносного утверждения и триумфального мирового шествия. В 1848 г. английская буржуазия раздавила последнее выступление, чартистов, выставив под командой герцога Веллингтона полтора тысяча белогвардейских «констеблей», сынков перепуганной лондонской буржуазии, против славного движения пролетариев. Почти одновременно она сокрушила повстанцев Ирландии, переживавшей полосу страшного голода. Она прочно уселась у руля государственной власти и в порах общинного самоуправления, обеспечив себе при помощи рабочего класса еще с 1832 г. основные рычаги политического господства.

Английский капитал, жестокий, коварный, хитрый и крайне дрессированный и маневроспособный, тяжелой поступью шел по мировой арене. Великобритания превратилась в гигантскую «мастерскую мира», индустриальный центр мирового рынка. Здесь она уже была монополистом, и

ее фритредерская идеология как нельзя более соответствовала исключительному перевесу ее технических, коммерческих и военных сил. Под пацифистско - либеральную трескотню о «мире, экономии и реформе» пираты капитала отхватывали себе один колониальный кусок за другим, выполняя заповеди бога прибыли и прогресса. Индустриальная мощь страны быстро возрастала, опираясь на развитие машинной базы и на лихорадочное железнодорожное строительство.

Сельское хозяйство после периода депрессии и низких цен обнаружило вдруг неожиданный поворот в сторону огромного подъема как раз вслед за отменой так называемых «хлебных законов». Технически прогрессивное капиталистическое хозяйство сделало громадный скачок вперед.

Комбинация зернового хозяйства и скотоводства, введение плодосменного хозяйства, дренажа, импортного искусственного удобрения и сельскохозяйственных машин создали рациональное сельскохозяйственное производство.

Открытия в области агрохимии, животноводства, растениеводства, сельскохозяйственного машиностроения и т. д. сразу получили крупнейшую базу. Механики, архитекторы, геологи, химики, физиологи, ботаники, зоологи, фито - техники мобилизуются и приводятся в движение. Крупнейшую роль играет Королевская сельскохозяйственная академия, работы Либиха становятся настольной книгой капиталистического фермера. Джемс Керд оценивает в 1852 г. положение так:

«Ни один предыдущий период не имел большего генерального прогресса в области агрикультурных усовершенствований, чем настоящий период».

А журнал «Квартерли Ревью» в 1858 г. с восторгом пишет:

«Фермеры процветают, лендлорды намереваются улучшить свои имения, рабочие перестали ненавидеть сеялку и молотилку; во время последней жатвы в употребление вошла жнейка; компетентные судьи держатся того мнения, что почти готов и экономичный паровой культиватор».

Английский капитал чувствует свое собственное полнокровие и лондонской всемирной выставкой 1851 г. хочет показать *urbi et orbi* свое мировое могущество, мощь своей техники, непобедимую силу своей цивилизации. Он становится дирижером и законодателем всемирной моды; англomania делается религией каждого «образованного» буржуа, который преклоняется перед английской машиной и английскими банками, английским парламентом и по-английски подстриженной кобылой, перед английским искусством и английским ростбифом. Даже русские помещики испытывали на себе это обаяние английских чар.

Сочетание классовых сил за этот период было чрезвычайно оригинальным. Исходным пунктом развития был, как мы упоминали, разгром чартизма. В течение долгого ряда лет мужественное движение английского пролетариата создавало не раз критическую революционную ситуацию. Руками рабочих была проведена реформа 1832 г., социально - политически давшая власть

промышленной и средней торговой буржуазии, но на базе компромисса с поземельной аристократией - этими «джентльменами без профессий». В 1834 г. либералы провели преобразование «закона о бедных», введя каторжный режим рабочих домов и вызвав возмущение тружеников. В 1846 г. были отменены «хлебные законы», и удовлетворенная мелкая буржуазия отошла от рабочих.

Невероятная эксплуатация пролетариата, женщин и детей была фоном, который использовался тори против виггов: из рядов дворянства вышли своеобразные печальники о судьбе рабочих, заострявшие жало своей критики против безжалостной буржуазной эксплуатации, агитаторы за фабричное законодательство таковы например письма Ричарда Остлера в «Лидском Меркурии» «О невольничестве в Йоркшире». Грозный гром рабочего движения и его использование со стороны дворянства привели к фабричному законодательству. Наиболее прозорливые из тори (ср. лорда Эшли) видели в этом законодательстве самое действительное средство отвлечения рабочих от чартизма, который выдвинул уже «партию физической силы», готовил восстание и рядом с государственным парламентом собирал свой «Конвент» - по сути дела Совет рабочих депутатов.

Поражение чартизма означало крутой перелом во всем движении; это было начало гибели, на целую историческую эпоху, героических традиций революционного движения английского пролетариата: идеи «физической силы», интернационального братства, завоевания власти, социального равенства уступали свое место идеям реформистского тред-юнионизма и кооперации. На мировом рынке складывалась исключительная монополия расцветающей «владычицы морей» - великой колониальной империи британского капитала. Господство буржуазии, но на базе умеренных подачек рабочим; борьба буржуазии с дворянством, но компромисс с ним, респектабельность, уважение к священным традициям, корона короля, шлейф королевы, парики - в парламенте, господь бог - в голове. Эта система сохраняла долгие годы свою устойчивость, пока развитие мирового хозяйства не опрокинуло английскую супрематию и не вызвало могущественнейшие тенденции совсем другого порядка.

Вот в такую эпоху выступил со своими работами величайший из биологов - Чарльз Дарвин. Он прямо вырос из почвенных сил прогрессивного сельского хозяйства Англии, с его садоводами, скотоводами, рациональными хозяевами, опытными полями, прикладной химией, многолетней практикой, прочным эмпиризмом, осторожностью, расчетливой добротностью эксперимента, трезвой проверкой фактов. Колониальные научные экспедиции, ориентирующие щупальца английского капиталистического миродержавия, его познавательные сосуны, расширяющие горизонт, доставляли добавочный разносторонний материал, а через ввоз искусственных удобрений и новые виды животных и растительных пород прямо обслуживали процесс материального производства.

Таким образом развитие английской промышленности, колониальная экспансия и прежде всего прочный подъем английского рационального сельского хозяйства были базой, на которой возникла теоретическая концепция Дарвина. Недаром у него фигурирует так часто «искусный заводчик», столь ненавистный Дюрингу. Дарвин рос из многообразной живой практики, и в этом была его сила. «Заводчики, - пишет он, - обыкновенно говорят об организации животного, как о пластическом материале, которому они могут придать какую угодно форму». Обоснование и объяснение великой идеи изменяемости видов выросли следовательно из теоретического обобщения реальной практики «заводчиков» (другой практики здесь, как известно, не было).

«В начале моих исследований, - сообщает Дарвин, - мне казалось, что тщательное изучение домашних животных и растений, разводимых человеком, всего скорее может повести к разрешению этого темного вопроса. И я не ошибся... Я осмеливаюсь выразить мое убеждение в высокой важности исследований по этому предмету, хотя ими, по большей части, пренебрегают естествоиспытатели». Дарвин не устает ссылаться на этот исходный пункт, цитируя на сотнях страниц «искусных заводчиков». Йоуэтт, «едва ли не лучший знаток сельскохозяйственной литературы и хороший знаток животных», свидетельствует у Дарвина: «Оно (начало искусственного подбора. - Н. Б.) сельскому хозяину дает возможность не только видоизменять характер своего стада, но и вовсе изменить его. Это - магический жезл, посредством которого он может вызвать к жизни всякую форму, какую захочет».

Далее идут лорд Соммервиль, «искусный заводчик сэра Джон Себрайг» и т. д. При этом Дарвин тут же отмечает, ссылаясь на Маршалла, что подобного рода практика требует массовых операций, когда, например, растения разводятся «в огромных количествах», что возможно лишь на базе крупного производства.

Практика садовода, - скотовода, сельского хозяина дает материал для обобщений Дарвина: она доказывает эмпирически изменяемость видов, она дает идею «искусственного подбора», от которой Дарвин отправляется для обоснования идеи «естественного подбора»: садовник, выпалывающий слабые растения, скотовод, подбирающий «породу», - вот его экспериментальная массовая основа. Но Дарвин, как известно, формулировал свою теорию как теорию «борьбы за существование» - формула, которой не было у его предшественников: Ламарка, Жоффруа, Сент - Илера и других. Здесь на него оказал могущественное влияние Мальтус. Однако вопрос о влиянии Мальтуса и об оценке этого влияния не так прост, как это обычно полагают.

«Поп Мальтус», как величает его Маркс, кроме своей функции «священнослужителя» был профессором политической экономии в цитадели колониального грабежа - в коллегии знаменитой Ост-индской компании. Он идеологически выражал в самой резкой форме английскую контрреволюцию, активизировавшуюся под влиянием событий на континенте; французская революция, мятежи в Англии, неслыханный рост пауперизма, бурная история

классовой борьбы, пароксизм животного испуга поземельных собственников и владельцев машин породили «Опыт закона о народонаселении». Социально - классовая установка «Опыта» формулирована у Мальтуса так:

«Чернь, которая есть следствие излишнего населения, возбужденная обидой за свои реальные страдания, но совершенно не знакомая с источниками их происхождения, является из всех чудовищ наиболее роковым для свободы».

Эта боязнь за свободу эксплуатации и выдвинула апостола реакции на передовые позиции пропаганды против бедноты, пролетариата, «черни». Один из английских филантропов предлагал даже в своей брошюре, изданной под псевдонимом Маркуса, подвергать всех новорожденных детей рабочих безболезненной смерти, лишь бы только предупредить угрозу восстаний и «мятежей».

Не подлежит ни малейшему сомнению, что ожесточенная классовая борьба и гибель десятков тысяч людей в предыдущий период английской истории не могли не оказать на Дарвина огромного влияния. Не подлежит также никакому сомнению, что факт *bellum omnium contra omnes* и контрреволюционное теоретическое выражение этого факта оказали на Дарвина свое давление и подсказали ему формулу «борьба за существование». Но если внимательно присмотреться к работам Дарвина, то мы увидим и нечто другое. Коротко сформулировав основные положения своего учения, Дарвин прибавляет:

«Это - учение Мальтуса, приложенное к растительному и животному царству, и приложенное в строжайшем его смысле, потому что тут невозможно ни искусственное умножение пищи, ни осторожное воздержание от брака». Дарвин не замечает, что этим он целиком уничтожает теорию Мальтуса, ибо злостная «ошибка» Мальтуса и состоит в том, что он выбрасывает возможности производства, возведя капиталистическую нищету масс в вечный закон общественного бытия. Жало всей концепции Мальтуса направлено против «черни». Жало в сей концепции Дарвина направлено мировоззренчески против теологии, техническо - экономически - против остатков средневекового хозяйства. Для Мальтуса характерен анти - историзм, для Дарвина наоборот, сугубый историзм. Поэтому так различна судьба этих учений. Теория Мальтуса, воспетая многими обскурантами, просто смешна, в особенности теперь, в свете мрачных лучей развернутого кризиса перепроизводства. Теория Дарвина жива в своих основных моментах.

Но социальный генезис дарвинизма не смог не наложить своей печати на все его великое построение. Вообще уже самая идея «историзма» и «эволюции» у буржуазных идеологов имела - различный на разных флангах идеологии - оттенок консерватизма. Будучи в основе глубоко прогрессивной, она нередко включала идею абсолютной постепенности, голой непрерывности процессов; особенно ярко это проявилось в «исторической школе» права, в «исторической школе» политической экономии, в «органической школе» социологии и т. д.

Если некоторые историки времен французской реставрации (в особенности Гизо Минее и Огюстэн Терри) представляют собой в высокой степени передовое явление и в известном отношении могут быть даже рассматриваемы как предшественники социально - исторической теории Маркса (учение о классовой борьбе), то нельзя, с другой стороны, не отметить, что в борьбе с механистически - математическим рационализмом ряда философов XVIII в. идея исторической постепенности противопоставлялась антиисторизму как аргумент против социальных катастроф, что идея «органической» связи (против механической связи социальных атомов, рассматриваемых как геометрические точки) и идея «органической» иерархии выдвигались как аргумент против абстрактного равенства просветителей, как заслон против радикальных перемен, как теоретическое выражение поговорки: «всяк сверчок знай свой шесток», что самое погружение в глубины истории и идея медленной эволюции должны были «доказать» прочность исконных традиций и начал, медленность образования новых форм общества, их неизбежно эклектический характер.

Дарвин отдал дань этому, хотя его же собственный материал нередко бунтует против оброчей такой' концепции. Дарвин отдал дань и компромиссному буржуазному «духу времени», снабжая свои работы искусственными теологическими привесками, которые, как жалкое тряпье, болтаются на великолепном здании его теории. Но это последнее он переживал уже как внутреннюю трагедию, о чем свидетельствует его знаменитое письмо к титану пролетарского - мировоззрения - Марксу, положившему начало совершенно нового этапа в развитии науки и философии.

II

Теоретическая концепция дарвинизма

К «дарвинизму, чтобы его понять и оценить, необходимо подходить, как и к другим обок - там исследования, исторически. До Дарвина типичным были теологические и телеологические представления о животных видах; идея их постоянства, вопреки практике садоводов и скотоводов, была *communis doctorum opinio*. На протяжении многих столетий и даже тысячелетий в разнообразных формах господствовали по сути дела донаучные взгляды на происхождение и развитие органического мира Фантастические космогонии религиозно - поэтического характера, вроде грандиозных концепций вавилонян и евреев, Индии' и Китая, скандинавов и финнов, натурфилософские системы старинных мыслителей, средневековая католическая схоластика, натурфилософия позднейшего времени, не говоря уже о широкой идеологии, распространяемой для всеобщего употребления, почти целиком стояли на точке зрения «творческого акта», однократного или многократного, грубо антропоморфического или тонко одухотворенного. В старой Индии бог выступает то как гончар или архитектор, го как голос, разум, нечто вроде греческого Логоса; то он - почти философская тень, то он «устаёт»

от акта творения, почти «бездыханен», «измучен до смерти». То бог творит мир из хаоса, из первичной материи, из глины, из чего - то, то он - как у блаженного Августина - творит из ничего. Но во всех этих случаях пир обязан существованием своему Демиургу, творцу и созидателю.

Так называемые «конечные причины», мистические *causae finales*, а priori данные и определяющие собою реальные изменения, поскольку они признаются, есть другая форма того же теологически - телеологического начала, от энтелехии Аристотеля до «жизненного порыва» Анри Бергсона. Еще Лейбниц (1646 - 1716 гг.) представлял себе космос как царство ступенчатых монад, непрерывно связанных друг с другом, но отнюдь не переходящих друг в друга, во главе с высшей монадой, которая есть бог. Женевский натуралист Шарль Бонне (1720 - 1793 гг.) в своем трактате о насекомых построил целую «лестницу естественных существ», включающую и ангелов, серафимов и херувимов, созданных божеством. Знаменитый шведский натуралист Линней считал, что видов существует столько сколько их сотворило «бесконечное существо». В одной из своих речей он о заявляет, что «рай» был островом под экватором, ибо «если бы от сотворения мира твердь была бы - так же велика и суша нашего земного шара так же распространена, как теперь, то Адаму было бы трудно, даже невозможно, найти всех животных». Знаменитый Кювье стоял на точке зрения одного творческого акта, но уже его ученик д'Орбigny и ввел повторные творческие операции господина, в связи с повторными геологическими катастрофами.

Разумеется, и Дарвин имел своих отдаленных и близких предшественников. Великие построения никогда не возникают, как *deus ex machina* - па; они имеют, как и все на свете, историю своего возникновения. Сам Дарвин в предисловии к американскому изданию «Происхождения видов» называет целый ряд авторов, трудами которых складывалась новая теория, в том числе Жоффруа, Сент-Илера и Ламарка. Исключительное влияние на Дарвина оказал геолог Ляйелл, этот антипод Кювье однако, как совершенно справедливо говорит в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс, «не следует забывать того, что во времена Ламарка науке далеко еще не хватало материала, чтобы высказываться по вопросу о происхождении видов иначе, чем в виде пророческих, так сказать, предвосхищение». Интересно между прочим отметить, что основатель «критической философии» и автор «Всеобщей естественной истории и теории неба» И. Кант, подойдя совсем близко к идеям изменения видов, отшатнулся от них, ибо - они «так чудовищны, что разум с дрожью отступает перед ними».

Происхождение видов, в частности происхождение человека, законы органической эволюции как естественно - исторические законы - вот проблема, которую поставил и решил Чарльз Дарвин. Его работа, в основе своей обусловленная техническим прогрессом капитализма и борьбой его с феодальными традициями, была окружена атмосферой напряженного умственного творчества. В 1842 и 1 - 845 гг. Роберт Майер обосновал «закон сохранения силы»; в 1844 г. вышли знаменитые - «Химические письма» Юстуса Либиха; за год до появления «Происхождения видов» Рудольф Вирхов

обосновал целлюлярную патологию («Лекции врачам по целлюлярной патологии»); в 1860 г. Марселей Бертло издал свою «Органическую химию, основанную на синтезе», а в 1861 г. Пастер выступил со своими открытиями, по микробиологии. На другом полюсе общества это время дало: в 1845 г. - «Святое семейство», в 1847 г. - «Манифест Коммунистической партии», в гол издания «Происхождения гидов» - «К критике политической экономии», а в 1867 г. вышел первый том самого великого творения Маркса.

Итак, Дарвин начинает от практики. Из наблюдений над материалом «искусных - заводчиков» выводит он заключения: 1) об изменчивости организмов, 2) о наследственной пере даче части изменений, 3) о произвольном направлений органических изменений, путем скрещивания и (искусственного отбора. Затем Дарвин ставит аналогичный вопрос уже по отношению к стихийным процессам органической природы. Что здесь заменяет регулирующее искусственное влияние человека? Каков стихийный регулятор процесса органических изменений, дающих ему то или иное направление? На это Дарвин отвечает: «борьба за существование», «естественный отбор». Его основа - противоречие между огромной воспроизводительной силой и ресурсами питания, а также другими необходимыми для организмов ресурсами окружающей природной среды.

«Борьба за существование, - пишет Дарвин, - необходимо вытекает из быстрой прогрессии, в которой стремятся размножиться все органические существа. Всякий организм, производящий в течение своей жизни много яиц или семян, должен подвергаться истреблению в известные возрасты или в известные времена года; не то, в силу геометрической прогрессии число его потомков быстро возрастало бы так безмерно, что никакая страна в мире не была бы в силах их пропитать. Следовательно, так как рождается больше особей, чем сколько может их выжить, во всяком случае, должна происходить борьба за существование либо с особями того же вида, либо с особыми ДРУГОГО вида, либо с физическими условиями кивни».

Какие же особи выживают? Те, которые приспособлены к среде. Любое отклонение, хотя бы самое небольшое, обеспечивающее большую приспособленность, есть лишний шанс на выживание. При массовости процесса мы получаем закон: выживают наиболее приспособленные. Борьба губит слабых, поддерживает сильных. Борьба выпалывает неприспособленных, как садовник выпалывает из грядки неполноценные экземпляры растений. Борьба следовательно отбирает по признакам объективно полезных организму отклонений; «естественный подбор» подхватывает эти отклонения, передаваемые по наследству, закрепляет и усиливает их. Так «а основе индивидуальных отклонений, причины которых разнообразны и многозначны, т. - е. случайны в объективном смысле слова, получается закономерность направленности изменений, закономерность естественного отбора. Это и есть основной закон развития органического мира, открытый Дарвином.

Таким образом, процесс в целом складывается по Дарвину: 1) из изменчивости, 2) из наследственности, 3) из естественного отбора. Эти три фактора Дарвин монически синтезирует, при чем примат принадлежит у него естественному отбору как формирующему принципу, определяющему процесс эволюции вида, взятый в его целом. Из этого однако вовсе не следует, что Дарвин не делал никаких попыток анализировать причины отклонений, являющихся так сказать сырым материалом для процесса отбора, и не ставил перед собой вопроса о законах наследственности, которые - метафорически говоря - используются его механизмом.

На вопрос о наследственной изменчивости Дарвин, не дав здесь строго выдержанной научной концепции, отвечал очень просто: по его...мнению, приобретенные признаки по правилу все наследуются. Здесь он, как показало дальнейшее развитие науки, явно ошибался.

На вопрос о причинах изменений он отвечает следующим образом: «Изменчивость подлжит множеству неизвестных нам законов, на которых особенно важен закон соотношений развития. Некоторую долю изменений следует приписать прямому действию жизненных условий, некоторую - употреблению и неупотреблению органов. Окончательный результат, таким образом, становится бесконечно сложным». Здесь Дарвин в значительной мере использует работы своих предшественников: Кювье (соотносительная - «correlated» - изменчивость Дарвина соответствует «correlation organique» Кювье) и Ламарка (прямое влияние среды, упражнение или неупражнение органов как причины изменений).

Особняком, но в связи с теорией наследственности, стоит у Дарвина его так называемая «временная гипотеза», учение о «пангенезисе», которое сам Дарвин считал впоследствии «вздорным» и которое несущественно с точки зрения его концепции в целом.

Итак, для дарвинизма как определенной биологической теории специфическим, существенным, резко выделяющим эту теорию из всех других теорий эволюции моментом является учение о естественном отборе: именно в этом, а не в чем - либо ином, и заключается научная «суть» дарвинизма. Но Дарвин проделал и дальнейшую работу: он включил в цепь органической эволюции и человека как биологический вид. Он рассмотрел и этот «венец творения» естественно - исторически как необходимый и закономерный исторический результат органической эволюции. В своей работе «Происхождение человека и подбор по отношению к полу» Дарвин чрезвычайно смело по тогдашним временам заявляет:

«Тот, кто не смотрит, подобно дикарю, на явления природы, как на нечто бессвязное, не может думать, чтобы человек был плодом отдельного акта творения. Он должен будет признаться, что великое сходство между человеческим зародышем и зародышем например собаки; тождество плана в строении черепа, конечностей и всего тела, независимо от употребления,

которое могут иметь эти части, у человека и других млекопитающих; случайные возвраты различных образований, например особенных мышц, которых человек обыкновенно не имеет, но которые свойственны четырехруким, и множество других аналогичных фактов, - что все это ведет весьма положительным образом к заключению, что человек и млекопитающие произошли от одного общего прародителя».

Необходимо помнить, что именно на этот вопрос было наложено священное табу всеми богословами учеными, философами и так называемым «общественным мнением»: как раз здесь обретался тот *punctum saliens*, перед который в величайшем смятении остановился даже кантовский «Чистый разум. Необходимо помнить, что как раз боязнь этого тезиса была тем тяжелым прессом, который давил на развитие - биологии как науки и превращал ее в своеобразный привесок догматического богословия и теологизирующей фантастической натурфилософии. Дарвин проломил здесь огромную брешь и сразу продвинул науку на неизмеримо более высокую ступень ее развития: именно Дарвин доказал факт и объяснил механизм органической эволюции, объяснил исторически факт разнообразия видов, их трансформацию, явления так называемой целесообразности в органическом мире - проблема, которая являлась камнем, преткновения для научного мышления и золотоносной жилой для «старателей» из лагеря теологии и метафизики, - включен в эволюционный исторический ряд и носителя «божественной искры», человека.

Разумеется, нельзя требовать от Дарвина того, чтобы все без исключения его теоремы оправдались в ходе дальнейшего развития науки: многих из теперь известных фактов и обобщений он просто не мог знать, как не мог например знать теории империализма или искусства управления автомобилем системы «Форд». Его научное величие отнюдь не пострадало от того, что частные элементы его теории (пангенезис, наследование приобретенных признаков и т. д.) оказались превзойденными и отброшенными дальнейшим прогрессом биологии: существенно как раз то обстоятельство, что сердцевина его теории - учение о селекции - целиком выдержало в боях с антидарвинизмом суровую историческую проверку.

Эта проверка касается прежде всего двух основных пунктов: 1) вопроса об изменчивости, ее характере и ее отношении к селекционному принципу; 2) вопроса о значении отбора в общем процессе эволюции. Современная генетика, наука, порожденная в значительной мере самим развитием дарвинизма, ставит своей специальной и специфической задачей раскрытие законов наследственности и изменчивости. За весь последарвиновский период накопилось огромное количество новых фактов, новых экспериментов, новых проблем. Дарвин констатировал многочисленность и многозначность факторов, обуславливающих изменчивость и пестроту самой этой изменчивости как в приспособительном характере этой изменчивости (полезные, вредные, нейтральные вариации) так и в ее степени (не заметны отклонения и крупные «скачки», вроде указанных Дарвином «sporting plants», окрещенных де - Фризом «мутациями»).

Современная генетика подтверждает этот взгляд Дарвина. Опыт показал, что: 1) на организмы действуют самые разнообразные факторы, вызывающие те или иные мутации (воздействие рентгеном, радием, ультрафиолетовыми лучами, температурой и т. д.); 2) одинаковые факторы могут вызывать в принадлежащих к одному виду организмах различные мутации (например разные мутации у *Drosophila* под влиянием одинаковых доз рентгеновских лучей); 3) разные факторы могут вызывать одинаковые мутации; 4) мутации не только качественно, но и количественно носят самый разнообразный характер; 5) пестрела мутаций однако имеет известные границы, в пределах которых и колеблются соответствующие наследственные изменения: об этом, по-видимому, между прочим и говорит так называемый «закон гомологических рядов» Н. Вавилова, являющийся пока «эмпирическим законом» (родственные систематические единицы дают сходные ряды мутаций).

Разумеется дело не в одних только мутациях в определении де - Фриза, ибо они не являются монопольным поставщиком материала для механизма отбора. Нельзя по-видимому нагло отрицать и случаи прямого действия среды, и постольку некоторые элементы ламаркизма не просто должны быть отвергнуты, а лишь, выражаясь гегелевским языком, «сняты». Но уже одной теорией мутаций опрокидывается ламаркистская концепция прямого приспособления, которая пытается объяснить эволюционный процесс без отбора, полагая, что воздействия внешней среды обязательно вызывают необходимую целесообразную реакцию, передающуюся - точно так же в обязательном порядке - по наследству.

С другой стороны, и другие попытки построить эволюционную теорию, выключая механизм отбора, оказались не в состоянии материалистически объяснить процесс трансформации органического мира: все они неизбежно скатываются к телеологической концепции, роковым образом вводящей в той или иной форме старинную мистику Аристотелевой «энтелехии». Крупные открытия генетики (учение о комбинативной изменчивости на основе законов Менделя, учение «о чистых линиях» Иогансена, обобщения американской школы во главе с Морганом) ни в коей мере не затрагивают основ дарвинизма и могут быть рассматриваемы как дальнейшее развитие дарвинизма.

Таким образом, позднейшее развитие науки подтвердило основные положения дарвинизма. По Дарвину изменчивость не имеет строго направленного (так называемого «ортогенетического») характера, и соответствующие изменения могут быть - как мы упоминали - либо полезны, либо нейтральны, либо вредны. Другими словами, «совершенствование», возрастающая приспособленность, эволюция объясняются не изменчивостью, взятой «в себе», а отбором на основе изменчивости. Бесконечное количество опытов показало, что изменения действительно не имеют однотипной направленности и их законы являются неизмеримо более сложными, хотя диапазон возможных вариаций и имеет известные границы. Развитие генетики показало также громадное значение наследственных комбинаций (менделеевские соотношения).

У Дарвина этот фактор как материал для механизма отбора почти отсутствовал, но совершенно очевидно, что он может быть включен в концепцию Дарвина без всякого для нее вреда, ибо здесь ни в малой степени не затрагивается роль и решающее значение механизма отбора. Ламаркисты и автогенетики нападают именно на этот пункт и терпят здесь наиболее жестокое поражение. Отбор есть реальный фактор, объективный закон развития органической жизни, а отнюдь не «чисто логическая» конструкция. Отбор, с другой стороны, отнюдь не есть «чисто негативный» фактор, ибо как раз он и оказывается решающим для направления эволюции. Именно здесь лежит основная закономерность развития.

Но из этого не следует, что не нужно искать и специфических закономерностей изменчивости и наследственности, на базе которых действует механизм отбора со своей решающей закономерностью. Здесь еще - огромное поле работы. Значительные успехи достигнуты в области изучения законов наследственности (например, законы образования новых комбинаций на основе работ Менделя - Моргана); что касается закономерностей изменчивости, то здесь выяснен ряд лишь очень приблизительных «эмпирических» закономерностей. Однако, каковы бы ни оказались законы изменчивости, это не разрушило бы концепции Дарвина как синтетической теории эволюции, где закономерности изменчивости и наследственности соподчинены основной закономерности естественного отбора. Яркую общую характеристику дарвинизма дал Фридрих Энгельс еще в 1859 г. в своем письме к Марксу. «До сих пор, - писал Энгельс, - еще не было такой грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да еще с таким успехом». Эта характеристика была целиком оправдана всем развитием общей биологии, ее частных дисциплин, прогрессом смежных отраслей знания и исключительной ролью дарвинизма как несокрушимого оплота науки в ее борьбе с виталистической мистикой.

III

Дарвинизм и марксизм

В речи над гробом Маркса (17 марта 1883 г.) Энгельс говорил:

«Как Дарвин открыл закон развития органической природы, так Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот простой, до сего дня скрытый под идеологическими нагромождениями факт, что люди должны в первую очередь есть, пить, где - нибудь жить и одеваться, прежде чем они смогут заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и вместе с тем каждая экономическая ступень развития народа или какого - либо отрезка времени образует основу, на которой развились государственные учреждения, правовые воззрения, представления в области искусства и даже

религии соответствующих людей, и из которой они поэтому должны быть объяснены, а не наоборот, как это случалось до сего времени».

Эта мысль Энгельса о соотношении между дарвиновскими законами исторической эволюции органического мира и марксовыми законами исторической эволюции человеческого общества, между исторической трансформацией видов и исторической сменой, общественно - экономических структур, можно было бы хорошо иллюстрировать сопоставлением заключительной страницы «Происхождения видов» и вводной страницы «К критике политической экономии». Подобно тому как Дарвин сжато формулирует материалистическую основу изменчивости видов, формулируя ее - лекционную теорию. Маркс дает классическое чеканное выражение теории исторического материализма.

Внутреннее родство теоретических построений вытекает здесь из внутреннего родства объектов исследования; ибо само человеческое общество есть звено в цепи исторического развития. Оно есть продолжение органической эволюции, но продолжение качественно особое, специфическое, имеющее поэтому, несмотря на общую основу, свои исторические закономерности, свой особый свойственный только обществу тип развития. Материальное единство мира (или единство материального МИРА) не состоит из голой тождественности его элементов: оно в то же время состоит из их различия, их объективной качественной особенности. Поэтому и единство неорганического, органического и социального моментов предполагает их различия.

Главный недостаток механического материализма, недостаток, питающий однобокость и фальшь всех идеалистических построений, заключался именно в том, что он не видел качественных особенностей, вводил универсальную, количественную обезличку, крайне обеднял действительность, был абстрактен, антиисторичен, «сер» и не мог поэтому втиснуть богатое многообразие природы и общества в ПРОКРУСТОВО ложе своих исключительно количественных теорем. Родство органической эволюции и социальной истории отнюдь НЕ есть их тождество. Поэтому нелепо переносить законы биологии на явления общественной жизни, точно так же, как например нелепо было бы переносить, скажем, «закон кратных отношений» из химии на развитие видов или таблицей Менделеева объяснять происхождение человека. Но если нелепо переносить законы физики и химии непосредственно на биологию, то так же неостроумно переносить законы биологии на историю общества. С другой стороны: эта нелепость ни в малой степени не опровергает исторического происхождения органического мира из неорганического, исторического развития общества из развития и трансформации биологических видов.

Если бы мы стали искать аналогий в теории подбора и в теории исторического материализма, мы могли бы говорить об известной аналогии между «органами» животных и техническими «орудиями» человека, между «видом» и «обществом», между «образом жизни» («Lebensweise») и «способом

производства материальной жизни», между трансформацией видов и исторической сменой общественно - экономических структур, между эволюцией организмов, сопряженной с эволюцией естественных органов - орудий, и сменой общественных формаций, сопряженной с изменением в системах искусственных орудий труда. Но из этих аналогий никоим образом нельзя «выводить» общий закон какого - либо «биосоциологического» порядка: это значило бы зачеркивать весь реальный исторический процесс, создавший новые качества, принципиально новые, специфические закономерности; это значило бы не видеть тех огромных, исторически возникших различий, которые появляются вместе с возникновением «производящего общества». В подобную ошибку, которая имеет и свои социально - классовые основания, впадают все направления и оттенки так наз. органической школы в социологии (Конт, Спенсер и его школа, Вагнер, Шеффле и их новейшие, эпигоны, а также вся школа так наз. «социальных дарвинистов»).

Не имея никакого познавательного значения, упражнения такого рода ученых вырождаются в игру понятиями, классификациями, бесконечными вымученными и часто курьезными схемами. Еще у Гоббса в «Левиафане» верховная власть государства - его. искусственная душа, судейские чиновники - сочленения, награды и наказания - нервы и т. д. У Спенсера (ученика Конта и современника Дарвина) земледелие и промышленность - это органы питания, торговля - социальное кровообращение, полиция и армия - социальная защита; внешняя ткань (экзодерма) - класс военных и сулей; внутренняя ткань (эндодерма) - класс земледельцев и промышленников; средняя ткань (мезодерма) - класс торговцев. Шеффле с величайшим тщанием перечисляет различные «органы» общества, его «центры», «ткани», «нервные узлы» и т. д. Из государствоведов нового времени Блунтшид писал о мужском поле государства и женской сущности церкви, а если брать новейшие примеры, достаточно назвать нашумевшую работу шведского социолога Рудольфа Кослена «Государство как форма существования».

Все это в высокой степени напоминает акробатические фокус - покусы социологизирующих фрейдистов (вроде Кольнаи), видящих в системе ломбардских оросительных каналов сублимацию уретрально - эротического характера, а в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» - гомосексуальное влечение рабочего класса. Этот пошлый вздор есть неизбежное следствие механического перенесения биологических закономерностей на общество, приема, который с силой древнегреческого фатума влечет к бессмысленной и пустопорожней словесной игре. Маркс, которого Л. Вольтман чуть ли не причисляет к лику святых органической школы, едко высмеял подобную «методологию» в одном из своих писем к Кугельману:

«Господин Ланге, - пишет он, - сделал большое открытие. Вся история должна быть подведена под один великий закон природы. Этот закон заключается в фразе «борьба за существование» (выражение Дарвина применительно к этому случаю есть простая фраза), а содержание этой фразы - закон Мальтуса о

народонаселении или, скорее, о перенаселении. Таким образом, вместо того, чтобы анализировать *struggle for life*, как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится лишь к тому, чтобы подгонять всякую конкретную борьбу под фразу «борьба за существование», а эту фразу - под мальтусовскую фантазию о народонаселении. Нельзя не признаться, что это очень глубокий метод - для надутого, прикидывающегося научным, высокопарного невежества и лени мысли».

Чтобы понять закономерности общественно - исторической жизни, необходимо выйти за пределы категорий биологии, ибо «вид» через «стадо» уже превратился в нечто совершенно особое - в производящее общество с его особенностями и следовательно со специфическими определениями; со своими особыми «законами движения» и следовательно со свои - им особым теоретическим выражением этих законов. Исторически завязался новый «узел» - человеческое общество, имеющее свое собственное движение.

Вид есть совокупность сходных организмов, дающих при скрещивании плещущее потомство и ведущих сходный образ жизни.

Общество есть прежде всего совокупность производственных отношений, ест: сотрудничество - противоречивое или «организованное», классовое или бесклассовое, - опирающееся на систему орудий труда. Органы животного играют «орудийную» роль. Работы ак. Северцева особенно ярко подчеркнули тот факт, что приспособленность данного организма к среде есть не что иное, как приспособленность строения и функций орудий - органов, которые в свою очередь связаны со строением всего организма в целом. Маркс, который называет «Происхождение видов» трудом, «создающим эпоху», считает теорию животных органов «естественной технологией». Но органы животного - совсем не то, что орудия общественного труда.

«Дарвин, - пишет Маркс, - обратил внимание на историю естественной технологии, т.е. на образование растительных и животных органов как инструментов производства жизни растений и животных. Разве история образования производительных органов общественного человека, история материального базиса каждой особенной общественной организации не заслуживает равного внимания? И не легче ли было бы ее создать, ибо, как говорит Вико, человеческая история отличается от естественной истории тем, что одну мы проделали, а другую нет? Технология раскрывает активное поведение человека в природе, непосредственный процесс производства его жизни, вместе с тем и его общественных жизненных отношений и вытекающих отсюда духовных представлений».

Здесь Маркс блестяще вскрывает все принципиальное различие между системой натуральных органов и системой технических орудий труда, хотя и в том и в другом случае го - горит о «технологии». Органы естественны - орудия искусственны. Органы образовались стихийно, орудия сделаны человеком. Органы - средства пассивного приспособления, орудия - инструменты

активного приспособления. Потому история вида делается, а историю общества делают сами люди.

В и д, как мы упоминали, - нечто совершенно отличное от общества. Искать во внутривидовых категориях общественные классы или наоборот - бессмысленно, хотя и так и здесь есть «борьба». Маркс прекрасно выясняет и эту сторону дела с глубиной, которая подымает его на недостижимую высоту по сравнению с пигмеями буржуазной социологии и кликушествующими ныне «социальными дарвинистами». В том же I томе «Капитала» мы читаем:

«Природа не создает, с одной стороны, владельцев денег или товаров, а с другой - владельцев только собственной рабочей силы. Отношение это - совсем не естественно - историческое: столь же мало оно - общественное отношение, которое было бы общим для всех исторических периодов. Очевидно, оно само - результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, гибели целого ряда прежних формаций общественного производства».

Общественные классы предполагают средства производства, общественный труд, отношения собственности и т. д. Искать эти категории в недрах животного мира - значит стать на грубо антропо - социоморфическую точку зрения, поистине достойную дикаря. Легко понять поэтому, что «образ жизни» животных не то (и не может, быть тем), что «способ производства» у общественного человека. Легко понять, что не может быть поэтому и одинаковой конкретной закономерности в «органическом» и в «социальном» круге явлений. Теория естественного подбора потому и неприложима к обществу, что она верна по отношению к животным видам. Теория исторического материализма потому и неприложима к животным видам, что она верна по отношению к человеческой истории. В сущности сам Дарвин понимал, хотя и недостаточно отчетливо, огромную принципиальную разницу между развитием биологических видов и развитием общества. Мы уже видели, как он в связи с теорией Мальтуса делает замечание, что в обществе возможно искусственное расширение питательной (в широком смысле слова) базы через производство и, далее, регулирование процесса размножения. Эти замечания опрокидывают теорию Мальтуса, который оперирует с более или менее стационарной техникой (как и позднейшие мальтузиански окрашенные концепции, вроде пресловутого «закона убывающего плодородия почвы»). Непонимание (или злостное игнорирование) этого факта как раз и лежит в основе «биологических», органических и т. д. «социологии», имеющих поэтому более или менее легко обнаруживаемое антиреволюционное острие.

«Людей можно отличать от животных по сознанию, вообще по чему угодно. Сами они начинают отличаться от животных, лишь только начинают производить необходимые для своей жизни средства - шаг, обусловленный их телесной организацией. Люди, производя необходимые для своей жизни средства, производят косвенным образом и свою материальную жизнь».

Но законы движения материального производства, проходящего в конкретно - исторических формах общественного труда, есть нечто особое и специфическое, для чего биологические законы составляют лишь известную «естественно - историческую основу», как неоднократно выражался Маркс. Проблематика социологии не есть поэтому проблематика биологии и не может быть ею. История природы и история общества есть части единой истории. Величайшей заслугой Маркса было то, что он самое историческое развитие общества включил в общую цепь развития.

«Маркс, - писал Ленин, - рассматривает общественное движение как естественно - исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а напротив, определяющим их волю, сознание и намерения (к сведению для гг. субъективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно - исторической именно потому, что человек ставит себе сознательные «цели», руководствуется определенными идеалами)».

Другими словами, законы истории общества суть тоже объективные законы, включенные, как звено, в совокупность законов движущейся материи. В этом смысле они - естественно - исторические законы. Однако из этого отнюдь не вытекает голое тождество законов, которым «подчинены» качественно различные группы явлений объективного мира. Общество есть часть природы: оно не супранатуральная, не «сверхъестественная» категория. Но в то же время оно в известном смысле не только отлично от природы, но и противостоит ей: это такой «составной элемент» природы, который активно приспосабливается к ней, приспособляя ее к себе, подчиняя ее, овладевая ее законами, изменяя ее через и посредством процесса производства, производственной практики, порождающей процесс теоретического познания природы, в свою очередь опосредствующий материальный процесс труда. Поэтому разные фазы развития материи и разные качественно отличные формы ее движения имеют и свои отличные законы, свою специфическую научную проблематику. Здесь есть налицо специфичность объективных законов, относительная их особенность, а не абсолютный разрыв, предлагаемый идеалистами, для которых человек выпрыгивает из системы объективных закономерностей, подлежит исключительному ведению телеологии и даже сам диктует внешнему миру его законы. Качественные особенности закономерностей, но в пределах объективных закономерностей материального мира; смена одних закономерностей другими, более сложными, по мере того, как мы идем по пути исторического развития материальных форм, от простых к более сложным, со все более богатым содержанием и нарастанием все новых «моментов», - такова точка зрения, адекватная действительности.

Но из того обстоятельства, что животный мир отличается от человеческого общества, хотя последнее есть продукт исторического развития этого животного мира; из того обстоятельства, что органический мир отличается от неорганического, хотя он есть тоже его историческое порождение, не вытекает

однако, что не существует всеобщих связей всех явлений, всеобщих законов движущейся материи.

Мир есть единство в многообразии и многообразие в единстве. Многообразие его раскрывается в специфических законах его различных качественных форм. Его единство вскрывается законами материалистической диалектики, которые являются самыми общими законами бытия и становления, законами, которые неразрывно связаны со всем многообразием специфических связей и закономерностей.

Дарвинизм есть биологическая теория, имеющая огромное значение для всего мировоззрения. Впервые ею были вскрыты объективные законы развития органического мира. Впервые процесс развития этого мира был понят как естественно - исторический процесс. Впервые были вскрыты причинные основы целесообразности в природе, загадка, которая до сих пор иллюзорно «разрешалась» апелляцией к мудрости и планам творца - вседержителя. Впервые человек как биологический вид сам был понят как продукт исторического развития. Но биологический вид - «человек», «*homo sapiens*», - сам исторически трансформируется в производящее человеческое общество. Закономерности развития вида трансформируются в закономерности историко - общественного развития. Качественно особым продолжением истории вида является история общества в чередовании его конкретных экономических формаций.

Таким образом между дарвинизмом и марксизмом неизбежно возникает особая связь, диктуемая связью объектов познания, их исторической преемственностью и материалистической основой метода. Теория Дарвина более или менее непосредственно увязывается таким образом с теоретическими построениями Маркса. «Значительнее всего, - писал Энгельс в своей работе о Людвиге Фейербахе, - три следующие великие открытия, благодаря которым наше знание общей связи явлений природы сделало гигантские шаги. Первое - открытие клетки... Второе - открытие закона о превращении энергии... Наконец третье открытие сделано Дарвином». Оставалось еще общество и исторический процесс его развития. «В этой области, - продолжает Энгельс, - предстояло сделать то же, что и в области понимания внешней природы, - устранить искусственно созданную связь явлений и найти действительную. Эта задача в конце концов должна была привести к открытию всеобщих законов движения, господствующих в истории человеческого общества.

Эти «всеобщие законы» движения общества были открыты Марксом в его теории исторического материализма. Но Маркс этим не ограничился: он создал, с одной стороны, на базе развития классической немецкой философии новую форму материализма - диалектический материализм, этот гениальнейший синтез синтезов; с другой - он вскрыл частные законы движения определенной общественной формации, «капиталистического способа производства», где с невиданной в истории идей прозорливостью предсказал неизбежное превращение капитализма в социализм через социалистическую революцию и

диктатуру пролетариата. То обстоятельство, что марксизм есть грандиознейшее и самое величественное построение, какое только знала мировая история; то обстоятельство, что дарвиновская теория лежит на линии общей концепции марксистского материализма, делает необходимым включение этой теории в общее мировоззрение пролетариата. Но это включение отнюдь не означает «присятия» дарвинизма в его «химически чистом виде».

Выше мы видели, что дарвинизм носит на себе родимые пятна своего социального генезиса. Его теологические привески есть механически прилепленные побрякушки, страха ради иудейско помещенные на страницах дарвиновских работ: весь дух теории и даже все ее буквы вопиют против этого насильственного бесплатного приложения. Иначе обстоит дело с толкованием эволюции как только непрерывного процесса. «Природа не делает скачков» есть не случайная формула у Дарвина. На это Дарвину указывал еще Гексли, который, прочтя впервые «Происхождение видов», писал автору: «Что касается вашей доктрины, то я готов взойти на костер для поддержания главы IX и большей части глав X, XI и XII»... И далее, перечисляя свои критические замечания, он прибавляет: «Во - первых, Вы создали себе ненужную трудность, принимая так, без оговорок: «природа не делает скачков».

Здесь у Дарвина налицо либерально - буржуазная трактовка эволюции, которая является истоком самых вульгарных последующих «эволюционистских» построений. Эту сторону дарвинизма необходимо подвергнуть остракизму. Таким образом в своем очищенном и освобожденном от скверны виде дарвинизм включается в наше мировоззрение, что налагает на нас обязанность дальнейшей разработки проблем биологии при сознательном (а не стихийном) применении метода диалектического материализма.

IV

Дарвинизм, марксизм, современность

Дарвинизм вырос из практики. Но, выросши из практики в мощное теоретическое построение, он сделался рычагом дальнейшего практического действия. Его значение во всем потоке общественно - исторической жизни развивалось по двум главным руслам: мировоззренческому, идеологическому, непосредственно связанному с практикой теоретической классовой борьбы, и производственно - техническому, непосредственно связанному с борьбой экономических общественных укладов, имевших разумеется своих классовых носителей. Через полстолетия после смерти великого биолога в корне изменилась вся историческая картина: другие сочетания экономических формаций, другое соотношение классовых сил, иные всемирно - исторические проблемы, иные масштабы, иные идеологии. Буржуазия в значительной мере перестала быть носителем технического прогресса и адекватного ему рационального познания. Она уже ни в какой мере не ведет борьбы с идеологическим средневековьем: наоборот, она, кликушествуя против атеизма

пролетариата, сама развивает - по всему фронту идеологии - телеологические и теологические тенденции. С другой стороны впервые в истории пролетариат как господствующий класс, класс - диктатор, имеет свой собственный экономический уклад - строящийся социализм. Поэтому, если ранее дарвинизм, включенный в общую цепь марксистского мировоззрения, играл роль тарана против теологии, то теперь - главным образом через генетику - он имеет для рабочего класса практическое значение и по линии производства.

«В отличие от XIX века исследователь подходит ныне к проблеме происхождения организмов прежде всего как экспериментатор, как инженер... Мы ставим перед собой совершенно конкретную, больше того - утилитарную задачу: овладеть этапами формообразования, строительным материалом для того, чтобы на основе его развертывать творческую работу биолога по созданию видов и форм по произволу».

Огромные задачи социалистического строительства при соответствующих материальных предпосылках дают всей научной работе невиданную базу и невиданные возможности.

В области теоретической буржуазия переживает кризис исключительной остроты. Идет атака на самые основы рационального познания: громится принцип причинности, объявляется упрямленным детерминизм, устарелой - идея объективной закономерности вообще. Всерьез развивается - через многообразные формы идеализма - тяга к мистике, магии, «парафизике», «астральным телам», таинственным «эманациям духа». Блестящие успехи физики (радиоактивность, квантовая теория и т. д.) натываются на ограниченные методы познания и стремятся как бы замереть, передвигая мысль в область метафизики худшего сорта. Эддингтон прокламирует конец детерминизма, Эйнштейн объявляет пространство единственной реальностью, Дирак впадает в прямую мистику.

В области биологии свирепствует витализм всех видов и оттенков, быстро перерастая в откровенную теологическую апологетику. Известный дарвинист Людвиг Плате не гнушается «прилагать» биологические законы к обществу в целях грубо - империалистической политики и вовне и внутри страны, объявляя религию «высшим добром» и обосновывая милитаризм тем, что «вся природа милитаристична». Венский биолог К. Шнейдер объявляет галлюцинации «высшей реальностью», говорит о «духовном продолжении существования» человека за гробом. «Социальные дарвинисты», исходя из неравенства биологических расовых типов, стремятся придать ему характер вечного закона и обресть неарийцев на перманентное пребывание в рабах, одновременно обрекая пролетариат на бесконечную эксплуатацию *ad majorem gloriam* «органической теории». «Арийская», «тевтонская», «белорасовая» разнузданность доходит до крайних границ и до своеобразной циничной откровенности. Фашизм, так называемые «фундаменталисты» в Соединенных штатах и другие аналогичные течения идут в ногу с откровениями Дэвенпорта, Иста, Лундборга, Ленца и других теоретиков современного обскурантизма.

Таким образом, по отношению к дарвинизму, с одной стороны, мы имеем его полное отрицание: Дриш, столп и утверждение виталистической истины, объявляет его сплошным и смешным заблуждением; с другой - «социальные дарвинисты» «прилагают» закон естественного подбора к обществу, биологизируя социальные явления и объявляя биологически - устойчивыми преходящие категории капиталистического общества. И в том и а другом случае перед нами - идеологическая реакция. Только марксистский синтез обеспечивает прогрессивную функциональную роль великому творению Дарвина.

Не иначе обстоит дело с другим руслом практического воздействия дарвинизма. Колоссальные технические успехи конца прошлого столетия и начала нынешнего не подлежат сомнению.

Сам Дарвин писал еще:

«Не во власти человека изменить существенные условия жизни; он не может изменить климат страны; он не прибавляет никаких новых элементов к почве; но он может перенести животных или растения из одного климата в другой, с одной почвы на другую; он может дать им пищу, которою они не питались в своем естественном состоянии...»

Это - явная ограниченность, продиктованная ограниченностью современной Дарвину техники, ограниченностью производительных сил. С тех пор появился легион новых пород, изменился весь лик земли, естественный ландшафт превратился в производственный, в стандарты качественно различной продукции, в систему специализированных хозяйственных районов и зон. Но и здесь общий кризис капитализма делает свое дело. Он подрывает корни дальнейшего технического прогресса, он создает антитехническую идеологию, реакционную до мозга костей. В то же время в стране строящегося социализма создаются основы громадного расцвета технической культуры. Здесь впервые практически можно ставить вопросы о рациональном размещении производительных сил, о планомерной специализации районов, о распределении животных и растительных пород, о гигантских мелиорациях, о селекционной практике в масштабах громадных пространственных зон, о научном использовании ряда факторов и их комбинаций с точки зрения оптимальных результатов. Генетика, селекция, зоо - и фитотехника, опытные поля, гигантские экспериментальные базы и новые, невиданные возможности практической реализации теоретических достижений - все это пролетариат подымает на щит. Дарвинизм становится таким образом зоо - и фитоинженерией в общественном масштабе. Будучи включен в марксистское мировоззрение, он функционирует одновременно как пожиратель теологии и телеологии, как таран против нигилистического мракобесия современной буржуазии, как самострел против «социального дарвинизма», так и в качестве научной производительной силы, непосредственно связанной с материальным производственным процессом, превращающим сельское хозяйство в научно поставленную отрасль социалистической промышленности.

Вокруг проблем дарвинизма идет ожесточенная борьба течений, которая есть выражение и великих социальных конфликтов нашей эпохи. «Сумерки богов» капиталистического режима все сгущаются и из мрачных облаков уже начинает сочиться зловещая кровавая роса. В полумраке этой эпохи, озаренной молниями революции, капиталистический мир выдвигает на сцену своих новых героев, которым уже не по плечу доспехи и латы рационального познания, технического прогресса, социального оптимизма. Унылые воители настоящего, неудачные душегубы будущего, они атакуют сейчас и дарвинизм, заменяя его мистическими концепциями, от витализма до оккультизма включительно. Они же, не смущаясь, протитутуируют теорию отбора Дарвина, «применяя» ее к социально - историческим проблемам дня и строя самые бестиальные, самые постыдные концепции зоологического хищничества, циничного угнетения народов, оправдания и возвеличения наиболее грязных и кровавых сторон современного империализма. В боях - материальных и идейных - с капиталом, грозящим гибелью всей культуры, варварством и одичанием на долгие годы, пролетариат берет то оружие, которое осталось ему в наследство от буржуазии. Он очищает его от ржавчины и мобилизует его, как составную часть своих вооруженных сил. Против теологов, мистиков, кликуш - за рациональное познание; против идеалистов - за материалистическую диалектику; против виталистов - за очищенный дарвинизм; против проповедников кирки и лопаты - за технический прогресс; против капитализма - за революцию, за строительство социализма, за коммунизм. Так ставит сейчас вопрос история. Знамя прогресса выпало сейчас из рук дарвиновских искусных скотоводов и заводчиков. Оно - в руках миллионных армий пролетариата.